

СЛОВО КАК КУЛЬТУРНАЯ КОНСТАНТА НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

В восьмидесятые-девяностые годы двадцатого столетия закономерно возникает стремление к подведению итогов литературной жизни века и – шире – тысячелетия, пишутся итоговые фундаментальные работы (С.С. Аверинцев, С.Н. Бройтман, В.И. Тюпа и др.)¹, но некоторые аспекты литературного процесса в двадцатом веке все еще нуждаются в дополнительном изучении. Среди них – главнейшие, магистральные литературные направления или парадигмы художественности в литературе XX в. По мнению В.И. Тюпы, общая культурная и литературная парадигма в русской литературе XX в. реализовывалась в двух направлениях – авангардизма и неотрадиционализма, причем, по мысли исследователя, «именно концепция адресата – другого сознания, чужой, суверенной ментальности – составляет тот глубинный аспект художественной культуры нашего времени, где коренится поляризация главенствующих тенденций этой культуры: *авангардизма и неотрадиционализма*. Могущественное противостояние этих духовных сил создает то продуктивное напряжение творческой рефлексии, то поле тяготения, в котором так или иначе располагаются все более или менее значительные явления искусства XX века. Такое напряжение нередко обнаруживается внутри самих произведений, поэтому провести однозначную демаркационную линию между авангардистами и неотрадиционалистами едва ли возможно. Суть художественной парадигмы нашего века, по всей видимости, в неслиянности и нераздельности образующих это противостояние моментов»². В другой своей работе В.И. Тюпа называет общую парадигму художественности XX в. постсимволизмом или неклассической художественностью³. Глубокое исследование русской не-

классической поэзии, постсимволизма принадлежит также С.Н. Бройтману⁴.

По словам одного из важнейших для русской поэтической традиции поэтов-неотрадиционалистов, О. Мандельштама, точно передающим принципиальную творческую установку неотрадиционализма, поэт «пишет под диктовку, он переписчик, он переводчик»⁵. Как сказал в своей Нобелевской лекции И. Бродский, также один из самых значительных представителей неотрадиционализма в русской и мировой литературе, «язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации»⁶. В той же лекции он выражает еще одну мысль, чрезвычайно значимую для мировоззрения неотрадиционализма: «... то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка <...> не язык является его (поэта) инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования»⁷. Творчески, диалогически воспринимаемая общечеловеческая культурная традиция становится важнейшей художественной характеристикой неотрадиционализма. Неотрадиционализм характеризуется обостренным ощущением ответственности художника: ответственности перед языком, перед традицией, перед культурой. Открытое сознание неотрадиционализма распахнуто для диалога поверх национальных, временных и идеологических барьеров. Для неотрадиционализма важно ощущение своей живой сопричастности иным культурам и эпохам, осознание своего творчества как неотъемлемой части всеобщей культуры человечества.

Следует отметить, что авторы недавно вышедшего учебника по современной русской литературе Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий по отношению к той парадигме художественности, которую В.И.Тюпа называет неотрадиционализмом, предлагают свой термин – «постреализм»: «Телеология постреализма как художественной парадигмы может быть кратко обозначена формулой: поиск смысла человеческого существования внутри

экзистенциального хаоса, – но не компромисс с хаосом, а противоборство с хаосом, трагическое для человека, но и достойное его духовной сути»⁸.

Одним из ключевых понятий, фундаментальных культурных констант неотрадиционализма нам представляется идея **слова**, которое мыслится как символ всей человеческой культуры и всего наследия цивилизации, восходящий и к христианскому **логосу**, и к **дао** китайской философии, и к **брахману** философии индуистской:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор, к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль,
А долговечней – царственное слово⁹.

(А. Ахматова).

По словам Т.С. Элиота, «долг поэта именно как поэта <...> это долг перед своим языком: обязанность, во-первых, сохранить этот язык, а во-вторых, его усовершенствовать и обогатить»¹⁰. Эти слова тесно перекликаются со строками Ахматовой, в которых речь идет, правда, не о языке вообще, а о конкретном русском языке, выступающем в качестве символа всей мировой культуры, которая находится под угрозой уничтожения:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

(«Мужество»)

Еще Гораций в своей знаменитой оде выражает ставшую ключевой для неотрадиционализма мысль о долговечности и величии слова:

Exegi monumentum aere perennius,
Regalique situ pyramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere aut, innumerabilis
Annorum series et fuga temporum...

Впрочем, даже Гораций здесь стоит не у истока мотива, а только в середине его развития. Мысль о могуществе слова появляется уже в древнеегипетской литературе в конце второго тысячелетия до нашей эры:

... Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книгах возводит дома и пирамиды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов.

(Перевод А. Ахматовой.)

Но еще раньше в «Эпосе о Гильгамеше» Гильгамеш высказывает мысль о вечности имени:

Кто, мой друг, вознесся на небо?
Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы,
Чтоб он ни делал, – все ветер!
Ты и сейчас боишься смерти,
Где ж она, сила твоей отваги?
Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: «Иди, не бойся!»
Если паду я – оставлю имя (подчеркнуто мной. – Л.Я.):
«Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»

(Перевод И. Дьяконова.)

Значение категории слова в неотрадиционализме вообще во многом обуславливается той огромной ролью, которую оно играет в мировой религиозной культуре – фундаменте всемирной культурной традиции. Согласно христианским и иудейским представлениям, бог, творящий мир актом fiat, вызывал вещи из небытия, называя их, одухотворяя своим логосом:

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.

(Бытие, Глава 1, стихи 3–5.)

Первая задача, которая встает перед человеком, заключается в том, чтобы дать имена всем живым существам:

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым.

(Бытие, Глава 2, стихи 19–20.)

Именно имя, слово дает вещам душу и смысл. Слово обладает божественной сущностью. Один из центральных текстов христианской традиции, Евангелие от Иоанна начинается, как известно, со слов о первосущности логоса:

В начале было Слово (λόγος), и Слово было у Бога, и слово было Бог Оно было в начале у Бога.

Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть.

В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков;

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

(Глава 1, стихи 1–5.)

В Коране Иса был сотворен из праха словом Аллаха: «Поистине, Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: «Будь!» – и он стал» (3:52).

Особое значение традиционно придается божьему слову в иудаизме. В трактате Шаббот передаются слова раби Иегошуи бен Леви: «От каждого слова, исходившего из уст Господних, мир наполнялся благоуханием. Слово следовало за словом, и волны благоухания сменяли одна другую»¹¹. В Танхуме Гакодум говорится, что «Слова Господни падали подобно ударам кузнеца по наковальне, каменотеса по глыбе гранитной: от каждого удара искры во все стороны разлетаются, от каждого удара градом осколки сыплются. Так и слово Божие: одновременно на семь разных ладов звучало оно и слышно было одновременно же на всех семидесяти языках и наречиях, дабы слушали и уразумели все народы земли»¹².

Согласно традиционным представлениям китайской культуры, «дао – это начало Неба и Земли, единый закон всего сущего <...> Дао – источник божественной просветленности, единое начало всех превращений»¹³. Дао определялось как «всеобщий принцип мировых превращений, определяющий соотношение различных планов и процессов бытия – развертывания и свертывания, присутствия и отсутствия, усиления и ослабления и т.д. В этом качестве оно выступает также как принцип связи мира явленного и сокрытого, действительного и символического измерений, как “путь всех

путей” (дао и означает буквально путь)»¹⁴. Таким образом, понятие дао обнаруживает в себе ряд черт, приближающих его к понятию логоса.

Как важнейшая разновидность категории слова предстает в неотрадиционализме категория имени, в которой наиболее отчетливо прослеживаются архетипические и мифотектонические уровни значения. Как указывает О.М. Фрейденберг, первоначальный смысл имени мифологический, «герой делает только то, что семантически сам означает»¹⁵. Д.Д. Фрэзер пишет, что «первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощутимыми узами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть его тела. Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу»¹⁶. С.Н. Бройтман считает, что «в архаическом сознании слово не отделено от того, что оно обозначает, или от предмета высказывания. Например, слово «дерево» и само дерево предстают для такого сознания не как две различные реальности, словесная и предметная, а как одна нерасчлененная реальность. Это значит, что слово воспринимается как нечто субстанциальное <...> для человека эпохи синкретизма слова – именно плоть, они способны дать и пресечь существование, из них можно “ткать”, их можно “тесать” или строить ими лодку, как в “Калевале”»¹⁷.

Имена – наиболее тесно связанная с мифами категория слов. По словам А.Ф. Лосева, «имя есть окончательный и последний предел самовыявления вещи; и нет, принципиально не может быть, ни под каким видом и ни при каких условиях не может быть никакого более тесного, более глубокого, более существенного и более полного умного общения с вещью, как только общение в имени ее. Имя – предел самовыявления вообще»¹⁸.

В.И. Тюпа справедливо указывает, что особое внимание к имени свойственно именно для неотрадиционализма¹⁹.

У Мандельштама акт произнесения, повторения имени предстает как магическое действие, сопряженное с серьезными усилиями:

Легче камень поднять, чем имя твое повторить!

(«Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы»)

Имя, которое так трудно повторить лирическому герою стихотворения, по-видимому, символически многозначно – его можно интерпретировать и как имя возлюбленной, и как имя Бога. В этом смысле стихотворение отсылает читателя к библейскому рассказу о том, как Моисей спросил Бога о его имени, на что Бог ответил «Эгье ашер Эгье», то есть «Я буду, кем я буду» или «Я есть, кто я есть». Моисей никогда больше не повторяет это имя²⁰. Имя Бога вообще является чрезвычайно важным для иудео-христианской религиозной традиции. Так, в трактате «Мишне Тора» Рамбама (Маймонида) содержится ряд указаний, касающихся божественного имени: «Всякий, кто уничтожает любое из святых и чистых имен, которыми называется Святой Благословенный, подвергается наказанию плетьюми <...> Если на каком-либо предмете было написано Имя – нужно вырезать то место, на котором оно написано, и захоронить его» (перевод И. Верника).

Архаические представления о непосредственной связи имени и человека, носящего его, проявляются и в современной рок-поэзии, например, в известном тексте И. Кормильцева «Я хочу быть с тобой»:

твое имя давно стало другим

глаза навсегда потеряли свой цвет

пьяный врач мне сказал что тебя больше нет

пожарный выдал мне справку что дом твой сгорел

Как видно, здесь смерть человека приводит не только к изменению его внешнего облика, но и к изменению его имени. Утрата прежнего имени предстает в стихотворении как важнейший знак перехода героини в иной мир.

В соответствии с архаическими религиозно-мифологическими представлениями, высшим божественным смыслом наделены не только слова и имена, но также и сами буквы, которыми они написаны. Согласно религиозной традиции, алфавит дан богом, а, значит, сама последовательность букв несет глубокую закономерность. Следует упомянуть еще, что в средние века обучение грамоте было делом почти исключительно церковным, учителем, как правило, выступало духовное лицо. Такие выражения, как «от А до Я», отражают древние представления о том, что алфавит включает в себя как бы весь универсум. В нескольких десятках знаков алфавит описывает целый мир, а последовательность букв в нем, по традиционным христианским представлениям, задана высшей силой и потому имеет особый смысл. Сущность Бога в Библии описывается посредством сопоставления его с определенными буквами греческого алфавита. В «Библейской энциклопедии» читаем: «Альфа – название первой буквы Греческого алфавита, а название последней того же алфавита есть омега. Обе эти буквы употребляются в Священном Писании для означения вечности и совершенства Божия. Я есмь альфа и омега, начало и конец, говорит Господь, который есть, и был, и грядет вседержитель»²¹. В статье «Омега» той же энциклопедии находим следующую информацию: «Альфою и Омегою называет себя Господь, как полнота, конец, и завершение всего»²².

В традиции иудейской экзегезы придавать особый смысл буквам иврита, которыми написана Тора. Так, например, в Берешит-Рабе, мидраше на первую книгу Торы – Берешит или Брейшит, что в переводе означает «в

начале», читаем следующее: «Повествование о сотворении мира начинается с буквы *бет* (*ב*), имеющей начертание, открытое только с одной, передней стороны. Этим предуказано, что только то, что последовало *после* начала божественного миростроительства, может быть доступно человеческому разумению»²³. Согласно талмудической истории творения, «когда Бог решил сотворить мир, перед Ним предстали двадцать две буквы еврейского алфавита; каждая из них желала стать первой буквой первого слова, которое Бог произнесет при творении мира. Но из них всех была избрана буква Бет, и первым словом, вышедшим из уст Господа, стало слово “*ba-ruch*”, что означает “*благословенный*”»²⁴.

Буквы санскрита, как известно, также воспринимаются как наделенные особым смыслом и даже используются при медитации в некоторых восточных религиозных традициях.

Видный специалист по китайской культуре В.В. Малявин пишет, что «письменность, по традиционным понятиям китайцев, принадлежит в равной мере и человеку, и природному миру. Она возникает “*вместе с Небом и Землей*”, восходит к “*узору*” светил на небе, гор и рек на земле, но получает законченное выражение в деятельности человека. Знаки человеческой письменности воспроизводят органическое письмо самой природы, запечатленное в окраске насекомых и животных, сплетении линий на листьях и камнях, очертаниях водоемов и холмов. Этим объясняются, помимо прочего, особенности визуальной формы письменных заклинаний и твердо державшаяся в старом Китае вера в магическую силу каллиграфической надписи и даже любого писаного слова. В живописной традиции Китая преемственность письма и природы засвидетельствована уже самими названиями стильных штрихов: “*лист лотоса*”, “*следы журавлиного клюва*”, “*спутанная конопля*”, “*расчесанная конопля*”, “*комочки шерсти*” и т.д.»²⁵. Еще в седьмом веке Юй Шинань писал следующее: «Письменные знаки – это основа всех искусств, начало государева правления. Сообразно

очертаниям гор и потоков, озер и морей, обличью драконов и змей, птиц и зверей были установлены черты иероглифов»²⁶.

Итак, мы видим, что для неотрадиционалистской лирики слово обладает особенно важным значением и мыслится не только как начало, отражающее мир, но и, в определенной степени, как сила, создающая и преобразующая его. Эта вера в могущество слова, как нам кажется, восходит к архаическим ритуально-мифологическим представлениям о магической силе произнесенного или написанного слова.

¹ См., например: *Аверинцев С.С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981; *Тюпа В.И.* Поляризация литературного сознания // *Literatura rosyjska 20 wieku. Nowe czasy. Nowe problemy.* Вып. 1. Warszawa, 1992; *Тюпа В.И.* Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998; *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М., 1997; *Бройтман С.Н.* Три концепции лирики (проблема субъектной структуры) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 1; *Липовецкий М.Н.* Диалогизм в поэтике русского постмодернизма // *Русская литература 20 века: направления и течения.* Вып. 2. Екатеринбург, 1995. С. 19–31.

² *Тюпа В.И.* Поляризация литературного сознания. С. 89.

³ *Тюпа В.И.* Неотрадиционализм, или четвертый постсимволизм // Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной конференции. М., 1995.

⁴ *Бройтман С.Н.* Символизм и постсимволизм (к проблеме внутренней меры русской неклассической поэзии) // Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной конференции. М., 1995.

⁵ *Мандельштам О.* Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 145.

⁶ Цит. по: *Бродский И.А.* Избранные стихотворения. М., 1994. С. 466.

⁷ Там же. С. 473–474.

⁸ *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: В 3 кн. Кн.1: Литература «Оттепели» (1953–1968). М., 2001. С. 17.

⁹ Заметим, что идея долговечности, «прочности» печали сама по себе является древним фольклорным мотивом, имеющим корни во многих культурах. См., например, рассказ «Обида» из сборника Инь Юня «Короткие рассказы»: «Однажды ханьский император У-ди ехал на коне во дворец Сладкого источника. По дороге попались ему какие-то красные букашки: голова, глаза, челюсти – все, как полагается, а не понять, что за твари. Государь велел Дунфан Шо поглядеть. Тот поглядел и доложил:

– Тварей называют «обида». Во времена Цинь людей хватили и бросали в тюрьмы без счету. Они горестно стенали, глядя на небо, и все время повторяли слово «обида». Небо услышало их стенания и в гневе породило то, чему название “обида”. Должно быть, в этом месте при Цинях стояла темница.

Сверились с чертежами циньских земель – и верно, в том месте как раз была темница. Спросил государь:

– Есть ли способ избавиться от этих тварей?

Дунфан Шо ответил:

– Всякая обида исчезает от вина. Окропите их винной влагой.

Послали людей собрать насекомых, а потом кинули их в вино – и те в один миг растаяли.

Или еще рассказывают по-другому.

Однажды император У-ди увидел в земле нечто походившее на печень вола. Оно торчало из земли и не шевелилось. Государь стал расспрашивать Дунфан Шо. Тот ответил:

– Здесь сгустился дух вашей печали. Лишь вином можно избыть печаль. Окропите место винной влагой, и все исчезнет» (Пурпурная яшма: китайская повествовательная проза I–VI веков. М., 1980. С. 261–262).

¹⁰ *Элиот Т.С.* Назначение поэзии. Киев; М., 1997. С. 186.

¹¹ Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей. М., 1993. С. 66.

¹² Там же. С.67.

¹³ Китайская наука стратегии. М., 1999. С. 214.

¹⁴ Там же. С. 409.

¹⁵ *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936. С. 249.

¹⁶ *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983. С. 235.

¹⁷ *Бройтман С.Н.* Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ. Тверь, 2001. С. 4.

¹⁸ *Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 847.

¹⁹ См.: *Тюпа В.И.* Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века.

²⁰ *Раби Йосеф Телушкин.* Еврейский мир. М.; Иерусалим, 1997. С. 31.

²¹ Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 38.

²² Там же. С. 531.

²³ Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей. С. 9.

²⁴ Цит. по: *Бирлайн Дж.Ф.* Параллельная мифология. М., 1997. С. 84.

²⁵ *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000. С. 215.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 215.